

З а 38 л ѣ т ъ .

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

V¹⁾.

Уть будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о самихъ концертахъ Бесплатной Музыкальной Школы. Ими, когда я стала посѣщать ихъ, управлялъ Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, и они (какъ и во времена Балакирева, какъ мнѣ послѣ сказали), гдѣ бы они ни давались, что бы и какъ бы великолепно ни исполнялось на нихъ: и оркестровыя, и хоровыя, и сольные произведенія—они, т. е. залъ, гдѣ они давались—представляли изъ себя... безлюдную пустыню. Съ ужасомъ и содроганіемъ оглядывала я, входя, будто лысыя ряды желтыхъ вѣнскихъ стульевъ съ рѣдкими то тутъ, то тамъ черными мухами—людьми, сидящими на нихъ, и недоумѣвала: отчего публика не посѣщаетъ концерты?

Я тогда не знала, сколько ядовитой злобы положено было нашими музыкальными критиками, которымъ судьба отказала въ пророческой прозорливости,—на то, чтобы погубить начинаніе Балакирева и его музыкальныхъ единомышленниковъ.

Не знала и статьи Чайковского, въ которой онъ, приравнивая Балакирева къ Ломоносову, говорилъ, по поводу ухода Милія Алексѣевича изъ Русско-Музыкальнаго Общества: „Музыкальное Общество можно отставить отъ Балакирева, но Балакирева отставить отъ Музыкальнаго Общества нельзя“.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

Не знала, не понимала, что русская публика сбита съ толку прессой, Фаминцевыми и Ларошами—не вѣдая, что творить, бойкотировала то, что стало впоследствии ея гордостью, радостью и славой.

Я видѣла только одно: эти незанятые, голые, точно обиженные, желтые стулья и... горестно недоумѣвала, отчего это?.. и обращалась съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ, и между прочимъ и къ старику Владиміру Петровичу Опочинину, одному изъ двухъ-трехъ свѣтскихъ мужчинъ, посѣщавшихъ постоянно концерты Школы.

Онъ, улыбаясь добрыми сѣрыми большими глазами въ золотыхъ очкахъ и губами, заросшими бѣлыми пушистыми усами и подстриженной густой окладистой бѣлой бородой, умышленно-разсѣянно, будто не разслышавъ вопроса, ласково не выпускалъ моей руки изъ своей и повторялъ: что?.. что-о?..—а самъ глазами отыскивалъ знакомыхъ и, сдѣлавъ какое-нибудь незначительное замѣчаніе, уходилъ до слѣдующаго антракта, выговоривъ:—а! вотъ, Наташа!.. Или—а-а! вотъ гдѣ Катенинъ!..

„Наташа“ или Наталья Ѳедоровна Вонлярлярская, нынѣ графиня Карлова, тогда молоденькая очаровательная дѣвушка, приходилась ему родственницей (кажется, племянницей), и онъ, весь сіяя, шелъ къ ней, а она вмѣстѣ съ Катениными—мужемъ любителемъ серьезной музыки и его хорошенькой женой, была единственной, кажется, постоянной, кромѣ насъ и Опочинина, свѣтской посѣтительницей Безплатной Школы.

За то же и старались мы, эти 5—6 свѣтскихъ посѣтителей показать Школѣ наше сочувствіе!.. Мы и аплодировали во время исполненія, и уходили послѣдними, и, уходя, останавливались, и снова Катенинъ кричалъ: браво-оо!.. и, схвативъ спинку одного стула, стучалъ объ полъ ножками цѣлаго ряда стульевъ...

... Съ начала сезона 77—78 годовъ Милій Алексѣевичъ сталъ приходитъ ко мнѣ на урокъ не разъ, а два раза въ недѣлю. За однимъ урокомъ мы занимались съ нимъ этюдами и пьесами въ 2 руки, за другимъ концертами (игрой на 2-хъ рояляхъ) и разными тріо и квартетами.

Отецъ мой былъ большой любитель камерной музыки, при чемъ любилъ и самъ играть фортепіанная партіи, любилъ и слушать, особенно, разумѣется, Балакирева. Вслѣдствіе этого у насъ часто стали устраиваться по вечерамъ тріо, квартеты и даже квинтеты, и я стала, должна была, по желанію отца играть въ нихъ „главную“ роль, т. е. по-просту участвовать въ нихъ. Отецъ гордился моей игрой, а для меня эти вечера были источникомъ непередаваемыхъ волненій, почти пытокъ.

Съ достопамятнаго перваго урока Милія Алексѣевича моя увѣренность въ себѣ была скошена въ самомъ корнѣ. Я робѣла (и съ годами все больше), если мнѣ приходилось играть при комъ бы то ни было. Даже, когда Балакиревъ, особенно довольный урокомъ, шелъ къ отцу и вызывалъ его изъ кабинета, откуда все было слышно, въ залъ послушать меня, даже тогда (хотя я сама всегда, не стѣсняясь, играла отцу) я робѣла и рѣдко могла второй разъ сыграть такъ же хорошо, какъ первый.

А тутъ, на эти вечера, отецъ приглашалъ „поль-Петербурга“, какъ выражался Милій Алексѣевичъ, и мнѣ при всѣхъ этихъ пожилыхъ людяхъ надо было играть!!.

Боже мой, сколько разъ при появленіи то того, то другого гостя въ залѣ,—я чуть (внутренно) не молилась, чтобы у (все тѣхъ же, какъ и въ дѣтствѣ) Фишера, Гильдебрандта или другихъ моихъ партнеровъ случилось что-нибудь, что задержало бы ихъ дома, помѣшало бы имъ пріѣхать на нашъ вечеръ!.. Но этого никогда не случалось. Они пріѣзжали, когда гости были всѣ въ сборѣ... Начиналось суетливое хожденіе. Лакеи доставали спички, зажигали свѣчи на роялѣ и у пюпитровъ артистовъ, раздавались то басовые, то скрипочные звуки настраиванья (квинта вверхъ, квинта внизъ, какъ я теперь знала, легкія скрипичныя гаммы съ переходомъ на нижнюю, какъ бы утверждающую, октаву)... Балакиревъ трогалъ на роялѣ ноту гѣ и la и la и mі или по „его“ „d“ и „a“ и „a“ и „e“... Руки у меня становились влажными и холодными, какъ лёдъ... Я терла ихъ одна о другую, а... затѣмъ, по приглашенію Балакирева:—ну-съ, пожалуйста!..—садилась за рояль.

Мнѣ кажется, на этихъ вечерахъ, я никогда не играла хорошо, т. е. какъ могла. Особенно памятенъ мнѣ одинъ вечеръ. Мнѣ нездоровилось. Сильно болѣло горло, но отказаться отъ „концерта“ было поздно: отецъ пригласилъ уже много народа, а телефоновъ, увы, тогда еще не существовало.

Садясь за рояль, я показала Милію Алексѣевичу, какія холодныя у меня руки. Онъ велѣлъ мнѣ встать и растереть руки одеколономъ или спиртомъ.

Когда я вернулась, онъ спросилъ:—согрѣлись?—и сталъ торопить начинать... Мы начали.

Не помню, чтò я играла въ этотъ разъ, т. е. какое тріо: Шопена или другое, но помню, что все сыгранное мною казалось мнѣ „хуже нельзя“, т. е. ниже всякой критики.

Когда я окончила какую-то часть, и мнѣ стали аплодировать, я встала и, не отходя отъ рояля, опустила глаза, боясь заплакать. Я видѣла тѣмъ, что называется полемъ зрѣнія, моихъ партнеровъ,

выражающимъ мнѣ свое одобреніе смычками; видѣла сзади, вдали, у средняго окна зала выдѣлявшуюся красивую фигуру графа Григорія Александровича Строганова, а дальше него толстую фигуру съ длинными расчесанными бакенбардами скучающаго Дохтурова, рядомъ съ добрымъ лицомъ въ золотыхъ очкахъ и сѣдой бородѣ Опочинина...

Видѣла, т. е. угадывала въ группѣ дамъ, барышень и молодыхъ людей, мою мать, знала, что она страдаетъ за меня, и думала: и зачѣмъ, зачѣмъ они (чужіе) всѣ здѣсь?! Зачѣмъ только зоветъ ихъ отецъ!.. Когда я всегда при чужихъ играю такъ скверно, мерзко!..

Вдругъ какая-то тѣнь встала между мною и сидѣвшими въ залѣ.

Невольно я подняла глаза и... встрѣтилась съ глазами Милія Алексѣевича. Онъ, вернувшись отъ отца, съ которымъ разговаривалъ, обошелъ сзади моихъ партнеровъ и, стоя за ихъ спиной, мгновенно серьезно и внимательно посмотрѣлъ на меня глазами въ глаза. Затѣмъ, подойдя къ роялю, тронулъ мою руку и тихо и просто сказалъ:

— Я доволенъ вами.

... Съ этого дня, играя, участвуя въ *musique d'ensemble*, я ждала одного: этого его взгляда.

Послѣ меня обыкновенно игралъ онъ самъ, т. е. Милій Алексѣевичъ, и затѣмъ незамѣтно и быстро, ни съ кѣмъ не прощаясь, онъ уходилъ, исчезалъ.

Эта „подробность“ нашего музыкальнаго вечера тоже не мало меня огорчала. Впрочемъ, иногда, если присутствовалъ старикъ Опочининъ,—онъ аккомпанировалъ ему одинъ и тотъ же романсъ, который Опочининъ тогда уже не пѣлъ, но передавалъ (у него былъ басъ и октава) превосходно.

Романсъ этотъ былъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ...“ Иногда, послѣ этого, они вдвоемъ, стоя у рояля, вспоминали музыкальные вечера у какого-то Всеволожскаго... Разъ припомнили происшедшую тамъ перестрѣлку остроумія...

Пѣлъ Харитоновъ, а графъ Сологубъ, щеголявшій своими *bons mots*, обратился къ хозяину со словами: „какъ можете вы ждать отъ Харитоновъ?“ На что Харитоновъ быстро отвѣтилъ: графъ, вы Сологубите...

И затѣмъ, все-таки Балакиревъ, не оставаясь ужинать, стремительно уходилъ.

Зато иногда, къ счастью, когда отецъ „смилоствлялся“, бывали у насъ и другіе музыкальные вечера, *en petit comité*, на кото-

рые никто, кромѣ домашнихъ и близкихъ, не приглашался, и игра Балакирева на этихъ вечерахъ оставляла неизгладимое впечатлѣніе.

Онъ, вообще, въ присутствіи публики, робѣлъ. Многіе его общественные концерты, гдѣ онъ выступалъ какъ піанистъ, потому не оправдывали ожиданій, хотя иногда и на нихъ онъ „превосходилъ самого себя“ (концертъ въ память Шопена въ мѣстечкѣ Желѣзова Воля, гдѣ родился Шопень). Но, въ общемъ, на незнакомыхъ „людяхъ“ онъ игралъ хуже, чѣмъ безъ нихъ, и когда онъ игралъ у насъ, только въ маленькомъ кружкѣ, игра его была несравнима ни съ чьей по силѣ, простотѣ и геніальному величію передачи.

Въ 78—79 году (сезонѣ) Милій Алексѣевичъ объявилъ моему отцу, послѣ лѣтняго перерыва, что онъ будетъ по-прежнему приходить ко мнѣ на уроки два раза въ недѣлю, но что второй разъ онъ будетъ давать урокъ даромъ, т. к. я играю теперь настолько хорошо, что игру на двухъ рояляхъ нельзя считать за урокъ.

Отецъ мой былъ очень доволенъ и гордъ этимъ заявленіемъ и, рассказывая намъ (мнѣ и моей матери) о немъ, очень хвалилъ и ласкалъ меня, краснѣвшую и счастливую. Но вначалѣ оба мои родители не соглашались на это предложеніе.

Милій Алексѣевичъ жилъ еще тогда почти исключительно уроками и временами сильно нуждался. Съ начала знакомства отецъ мой старался доставлять ему какъ можно больше учениковъ и ученицъ. Знаю, что около этого времени, онъ рекомендовалъ его къ дочери В. И. Сазикова, владѣльца богатѣйшей тогда серебряной фирмы. Отъ Сазикова его пригласили и къ Глазуновымъ, очень музыкальной сестрѣ М-те Сазиковой. Она оказалась матерью нынѣшняго директора консерваторіи и композитора А. К. Глазунова.

Помню, что тогда Глазуновъ былъ маленькимъ мальчикомъ, не зналъ нотъ и писалъ, записывалъ свои музыкальныя мысли какими-то, одному ему понятными знаками, и что мать его не особенно вѣрила въ его дарованіе, но такъ, почти ради шутки, сказала о немъ за урокомъ Милію Алексѣвичу. Помню, какъ Балакиревъ просилъ показать ему мальчика, какъ разговорился съ нимъ, увидѣлъ его произведенія и... открылъ въ немъ большого музыканта...

Знаю, что отецъ мой рекомендовалъ его и въ семью еврея— банкира Малкіель... Кромѣ того и кузина моя Ел. Ник. Мейеръ (нынѣ Чирикова) перешла отъ проф. консерваторіи Кросса къ Балакиреву.

Согласиться потому на предложеніе Милія Алексѣевича, какъ

дестно оно ни было, не было возможности, и онъ сталъ ходить по-прежнему, хотя впоследствии, насколько помнится, онъ все же настоялъ на своемъ.

Но тутъ не безъинтересно будетъ для характеристики его (Милія Алексѣевича) упомянуть о полномъ его равнодушіи къ денежнымъ дѣламъ и о полномъ неумѣнни вести ихъ.

Съ начала уроковъ, т. е. съ 71—72 г., Милій Алексѣевичъ всегда бралъ у отца деньги за уроки авансомъ, когда сто рублей, когда больше, иногда даже 200 р. и послѣ „заигрывалъ“ ихъ, т. е. давалъ на взятую сумму уроки.

Моя мать всегда помѣчала у себя въ записной книжкѣ числа, когда онъ приходилъ на урокъ, и числа, если почему-нибудь урокъ отмѣнялся или перекладывался на другой день.

Первые годы Балакиревъ помѣчалъ уроки и у себя къ книжкѣ, но впоследствии ему должно быть надоѣло аккуратно записывать уроки, и тогда стали происходить слѣдующіе курьезные инциденты:

Возьметъ, скажемъ, въ понедѣльникъ Балакиревъ у моего отца авансомъ 100 р., а въ слѣдующій четвергъ, покашливая, приходитъ опять къ нему въ кабинетъ и говоритъ:

— Василій Яковлевичъ, не можете ли вы меня ссудить деньгами... Мнѣ очень нужно...

Отецъ мой конфузится и отвѣчаетъ:

— Милій Алексѣевичъ, вы, кажется, взяли у меня въ прошлый понедѣльникъ столько-то.

Балакиревъ изумленъ.

— Развѣ!..—говоритъ онъ:—Кажется,... я не бралъ...

Посылаютъ лакея за моей матерью, а пока оба и отецъ, и Балакиревъ смѣются. Моя мать приходитъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, подтверждаетъ слова отца.

— Да! Вы взяли такого-то числа. Я сейчасъ книжку принесу. У меня записано.

— Ахъ, помню, теперь помню!.. Совершенно-съ вѣрно!..—щуря глаза и внутренно сообразивъ, на что пошли взятые имъ деньги, говоритъ Балакиревъ. — Никакой книжки не надо-съ. Вы мнѣ вѣрите, и я вамъ вѣрю.

Но моя мать идетъ и приноситъ свои записи.

— Милій Алексѣевичъ, отчего вы не записываете?—съ легкимъ укоромъ говоритъ она:—Вѣдь я могу ошибиться, могу затерять мою книжку. Наконецъ могу умереть...

Балакиревъ что-то говоритъ въ отвѣтъ, смущенно прося извиненія, нѣсколько разъ цѣлуетъ руку мой матери; послѣ чего онъ и отецъ долго, смѣясь, обнимаютъ другъ-друга.

— Милый Алексѣвичъ!—хохочетъ отецъ и похлопываетъ Балакирева по плечамъ.—Милый Милій Алексѣвичъ.

Иной разъ объясненіе короче, но неизмѣнно приноситъ удивленіе моему учителю.

— Милій Алексѣвичъ, — говоритъ моя мать, вручая ему конвертъ:—Вы уже даете лишній второй или третій урокъ.

— Развѣ-съ? — спрашиваетъ Балакиревъ.—Ну-съ, очень радъ, очень радъ. Да вы не ошибаетесь?..

Изъ другихъ характерныхъ чертъ Балакирева за эти годы—помнится мнѣ еще его особенная любовь, жалость къ собакамъ.

Какъ-то, идя утромъ къ ранней обѣднѣ (онъ ходилъ каждый день), онъ увидѣлъ на Владимірской площади вагонъ фурманщиковъ и то, какъ они ловили веревкой съ петлей какую-то собаку.

Впечатленіе, произведенное на него этой ловлей, было крайне сильное.

Онъ поѣхалъ на Гутуевскій островъ посмотрѣть, какъ содержатся тамъ пойманные псы, узналъ, что послѣ извѣстнаго срока (если не ошибаюсь, трехъ дней), — невзятыхъ хозяевами собакъ вѣшаютъ, и съ тѣхъ поръ не только сталъ беспокоиться о благополучіи, цѣлости и сохранности собакъ, принадлежащихъ его знакомымъ, но сталъ оказывать пріютъ уличнымъ бездомнымъ собакамъ. Собакъ этихъ тогда въ Петербургѣ было не мало, но онъ стойчески выносилъ всѣ неудобства своего гостепріимства и ихъ постоя и никогда не выгналъ отъ себя ни одну собаку, а каждой изъ нихъ, иногда недѣлями, пріискивалъ добраго хозяина, найдя котораго, и поручалъ своего четвероногого гостя.

Здѣсь мнѣ хочется сдѣлать маленькое отступленіе, рассказать эпизодъ, имѣющій мало общаго съ Балакиревымъ, но самъ по себѣ интересный, особенно для спиритовъ.

У насъ тоже тогда былъ песъ, датскій догъ, котораго въ память другого, многимъ русскимъ, бывавшимъ въ Швейцаріи, въ Вевз, знакомаго дога, мы назвали Бруно. Бруно, или какъ прислуга прозвала его, Брунка, — былъ замѣчательно уменъ, продѣлывалъ разные фокусы и... отличался странной чертой: онъ „обожалъ“ музыку Баха, тогда какъ къ другой, къ другимъ композиторамъ, былъ не только равнодушенъ, но даже не выносилъ ихъ, т. е. нерѣдко подвывалъ (за это онъ, разумѣется, получалъ возмездіе отъ моего брата, вслѣдствіе чего очень быстро отвыкъ отъ выраженія своей собачьей тоски).

Баха же, повторяю, онъ „обожалъ“ и неизмѣнно, когда я начинала играть фуги, являлся въ залъ, ложился подъ рояль и не уходилъ, покуда я не кончала фугъ.

Замѣтивъ это, я часто бросала играть, подзывала его къ себѣ и, захвативъ правой рукой сѣрую кожу его лѣвой щеки, трепля ее, спрашивала, дѣлая длинныя паузы:

— Тебѣ нравятся фуги?

Брунка смотрѣлъ на меня своими зелеными, блестящими, умными глазами, поднявъ трехъугольниками сръзанныя уши.

— Да ты, можетъ быть, самъ Севастьянъ?..

Брунка начиналъ медленно шевелить опущеннымъ хвостомъ.

— Да ты, можетъ быть, самъ Бахъ?..

Брункѣ надоѣдало, что я держу его за щеку, онъ нервно зѣвалъ, пробовалъ уйти, и такъ какъ это ему не удавалось, онъ открывалъ ротъ съ черной зубчатой частью внутренней розовой губы и начиналъ ласково покусывать мою руку. Я отпускала его и снова начинала играть, и, если были опять фуги, Брунка ложился подъ рояль.

Этимъ наши „разговоры“ и кончались.

Разъ какъ-то я рассказала о нихъ Милію Алексѣвичу.

Онъ не повѣрилъ, приписалъ все это случайности, но провѣрить самого факта не захотѣлъ.

— Гмъ!—только сказалъ онъ на мое предложеніе, и, напомнимъ мнѣ этимъ звукомъ дѣтство, началъ урокъ.

Онъ боялся спиритизма, считалъ его противнымъ православію и христіанству вообще, говорилъ, что видѣлъ много происшедшихъ отъ него несчастій, не отвергалъ его, но считалъ, что черезъ него дѣйствуетъ злая сила... И взялъ съ меня слово, что я не буду никогда заниматься имъ.

.... Разъ какъ-то любовь къ собакамъ чуть было не заставила его сильно поплатиться: онъ нагнулся погладить какого-то пса, придя къ кому-то на урокъ. Песъ кинулся на него, прокусилъ ему руку, носъ и правую щеку.

Изъ-за этого онъ пропустилъ со мной одинъ урокъ, а когда явился на слѣдующій, видъ его былъ такой ужасный, что мы всѣ ахнули.

— Это ничего! Теперь ужъ пустяки! Могло бы дѣйствительно кончиться для меня плохо,—говорилъ онъ на наши разспросы и не позволялъ мнѣ бранить пса, повторяя:

— Это не онъ, это я-съ виноватъ. Не надо было трогать его. Собаки не любятъ, когда ихъ трогаютъ посторонніе...

Одновременно съ псами онъ оказывалъ гостепріимство и нищимъ старушкамъ, такъ какъ не могъ видѣть ихъ голодающими и холодающими на улицѣ. Имъ онъ давалъ у себя пищу и кровь до тѣхъ поръ, пока не выхлопатывалъ мѣсто въ какую-нибудь богадѣльню. А случалось это иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ!..

Всѣ эти подробности изъ жизни Милія Алексѣевича мы узнавали случайно, или отъ священниковъ Владимірской церкви, или отъ самихъ старушекъ, которыхъ отъ подбиралъ къ себѣ, или отъ его прислуги. Самъ же онъ никогда ничего не рассказывалъ изъ своей жизни, а когда, отецъ мой, обнимая его, ласково и шутя спрашивалъ его: вѣрно ли то или другое? онъ, тоже смѣясь, какъ отецъ, но рѣзко и коротко, видимо нехотя говорилъ „да“ или „нѣтъ“ съ небольшимъ объясненіемъ, почему это такъ, или почему не совсѣмъ точно, и переходилъ на какой-нибудь другой разговоръ или начиналъ урокъ.

А событія, между тѣмъ, шли одно за другимъ: Сербская война, Русско - Турецкая война, революціонное движеніе до событія 1-го марта.

Обо всемъ этомъ мы говорили съ Балакиревымъ. Онъ превосходно зналъ исторію славянъ, помнилъ Ранке почти наизусть. Рассказывалъ о чехахъ по исторіи Гильфердинга. Потрясающими красками передавалъ рассказъ о смерти народнаго чешскаго поэта, котораго католики, взявъ Прагу, прибили за языкъ къ столбу, у самага православнаго Гуситскаго собора (гуситовъ онъ считалъ, какъ и другіе славянофилы, православными), а самый соборъ передѣлали въ католическій костелъ...

Комментировалъ статьи И. С. Аксакова, иногда писалъ мнѣ коротенькія записочки: обратите вниманіе на передовую статью № 26 (Руси), или „посылаю вамъ № Современныхъ Извѣстій“, прочтите и т. д.

И я читала и... наблюдала за грозно волновавшимся океаномъ, волны котораго, какъ я думала, если и не съ любовью, то все же ложились къ моимъ ногамъ...

На самомъ дѣлѣ онъ съ тылу уже обходили меня, но я не знала объ этомъ, и одинъ изъ девятихъ валовъ, первый изъ обдавшихъ меня холодомъ, пронизавшимъ меня насквозь до костей, былъ близко, „у двери“.

Въ августѣ 1879 г., когда мы были за границей, неожиданно для насъ (моей матери и меня) скончалась наша Наденька, — (Катя Солнцева). Мы получили сначала отъ отца краткое письмо объ ея болѣзни, потомъ коротенькую телеграмму: „Nadine morte aujourdhui“, а затѣмъ, нѣсколько дней спустя, длинное письмо со всѣми подробностями.

Мы были тогда въ Рагацѣ, въ Швейцаріи, и тотчасъ, по полученіи перваго свѣдѣнія объ ея болѣзни, предчувствуя, что что-то отъ насъ скрываютъ, я написала письмо Милію Алексѣевичу съ

просьбой пойти къ Надеждѣ Дмитріевнѣ, узнать всю правду и написать мнѣ.

Въ то время Надежда Дмитріевна, уступая просьбамъ моего отца, была уже года 4 начальницей Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся.

Тяжело ей тамъ было. Отецъ мой, бывшій тогда попечителемъ этого заведенія, призвалъ ее себѣ въ помощь, такъ какъ то, что творилось въ Демидовскомъ Домѣ до него, не поддается описанію ¹⁾...

Надежда Дмитріевна вымела, вычистила всю нравственную заразу, но сдѣлать это, даже при поддержкѣ попечителя, было крайне трудно, и силы ея не выдержали... Кромѣ того, трудно ей было вообще стать „начальницей пріюта“. Съ поступленіемъ туда должна была произойти страшная ломка во всей ея жизни.

Умная, развитая, начитанная, жившая высшими интересами съ институтской скамьи, когда она мечтала о прорытіи Панамскаго перешейка, о чемъ написала въ старшемъ классѣ и подала учителю сочиненіе (кончила она въ Смольномъ Институтѣ въ 1826 г., т. е. когда никто еще даже изъ ученыхъ не заикался о возможности прорытія морскихъ каналовъ), страстно интересовавшаяся политикой, не жившая безъ газетъ, безсознательная славянофилка, ненавидѣвшая „тряпки“, она самымъ поступленіемъ въ Демидовскій пріютъ обрекала себя на низшіе интересы, т. е. на наблюденіе за шитьемъ кофточекъ, пенюаровъ, вышиванье двусторонней древнерусской гладью, просто гладью, на дѣланье всевозможныхъ складочекъ и пр. и пр.

Но дѣлать было нечего, поступить иначе она не могла: жизнь требовала этой послѣдней жертвы отъ нея. Съ одной стороны, поступаая въ пріютъ, она доказывала свою преданность и благодарность моему отцу. Съ другой, получала возможность помогать матеріально своему слѣпому брату (литератору Вл. Дмит. Яковлеву) и его семьѣ, чего за послѣдніе годы, не выслуживъ пенсіи, дѣлать не могла.

Получивъ мое письмо, Милій Алексѣевичъ тотчасъ отправился къ нашей Наденькѣ и послѣ этого, въ тотъ же день, отвѣтилъ мнѣ письмомъ.

Какъ оно, такъ и слѣдующее его письмо такъ характеризуютъ и его, и ее, что я полностью привожу ихъ здѣсь.

Первое письмо отъ 17 авг. 1879 г.

¹⁾ Отчасти Демидовскій Домъ собственно пріютъ для дѣвочекъ описанъ мною въ повѣсти „Испорченная натура“. Напечатана въ „Нивѣ“.

„Сегодня получилъ письмо Ваше и сегодня же отправился къ Надеждѣ Дмитріевнѣ, и дорогой думалъ о томъ, что если при ней никого не окажется кромѣ горничной, то буду просить Вашего папа немедленно пригласить сестру милосердія, но вышло иначе;— я нашелъ тамъ ея belle soeur, съ которой разъ я обѣдалъ у Васъ въ Петергофѣ, она только-что пріѣхала изъ Казани съ дочерью (незамужней), чтобы быть при больной послѣдніе часы ея жизни. Я уже не видѣлъ Надежды Дмитріевны, такъ какъ всякое новое впечатлѣніе приводитъ ее въ сильное волненіе, а потому только просилъ ея belle soeur передать ей, что я привезъ отъ Васъ поклонъ. Она передала, но отвѣта не получила—больная какъ будто стала ослабѣвать, и, вѣроятно, у нея начиналась послѣдняя агонія. До того у нея еще было немножко силъ, она узнала свою belle soeur, была рада и сказала, хотя съ трудомъ: „иду къ внуку“—у ея племянницы Зины родился мертвый ребенокъ, объ этомъ-то внуку она и поминала, какъ мнѣ объяснили. Болѣе она, кажется, ничего и не говорила. Къ кончинѣ она приготовилась по-христіански, исповѣдывалась и причащалась Св. Таинъ, еще въ понедѣльникъ, 13-го ч. для чего былъ приглашенъ священникъ изъ Тюремнаго Замка, почтенный старичекъ.

По мнѣнію доктора, она должна скончаться не позже, какъ сегодня вечеромъ.—Завтра зайду къ Вашему папа узнать объ ней.

Вотъ все, что удалось мнѣ исполнить изъ Вашего порученія, многоуважаемая Марія Васильевна. Вполнѣ понимаю Вашу горестъ, такъ какъ Надежда Дмитріевна была Вамъ вторая мать. Вспоминайте ее въ ежедневныхъ молитвахъ Вашихъ, и пускай молитвы о упокоеніи ея души будутъ выраженіемъ Вашей глубокой и признательной къ ней любви.

Если мнѣ возможно будетъ быть на ея похоронахъ, то конечно я буду, и тогда напишу Вамъ подробно объ нихъ.

Совершенно преданный Вамъ

М. Балакиревъ.

Вашей маман свидѣтельствую глубочайшее почтеніе, и искренно желаю Вамъ обѣимъ поболѣе заpastись добрымъ здоровьемъ“.

А вотъ второе письмо:

„Третьяго дня происходили похороны Надежды Дмитріевны. Я пріѣхалъ довольно поздно; когда взшелъ въ церковь, то пѣли уже причастный стихъ. Народу было не много, но и не мало, и маленькая церковь была наполнена, несмотря на то, что воспитанницы стояли въ боковыхъ залахъ, примыкающихъ къ церкви, туда же провелъ меня и Вашъ папа, и я былъ очень благодаренъ ему,

такъ какъ въ залахъ не только не было духоты, но было свѣжо и пріятно.

Служеніе совершали три священника и діаконъ. Первенствовалъ духовникъ покойной, старенькій протопопъ изъ Тюремной церкви, затѣмъ былъ второй отъ Николы Морского и третій молодой сынъ тюремнаго протопопа. Были пѣвчіе. При мнѣ началось отпѣваніе. При прощаньи я видѣлъ, что большинство воспитанницъ подходило ко гробу со слезами, и что меня удивило это отсутствіе мертваго запаха, который если и былъ, то въ незначительной—незамѣтной степени. Покойница мало измѣнилась. Она лежала въ своемъ бѣломъ гробу съ обыкновеннымъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какое у нея было постоянно, только лицо ея было сильно пожелтѣвшимъ и исхудалымъ. Я простился съ ней по нашему обычаю, т. е. приложился къ вѣнчику, который былъ надѣтъ ей на лобъ. Прощанье происходило довольно продолжительно, затѣмъ повезли гробъ на кладбище Новодѣвичьяго Монастыря, при чемъ часть воспитанницъ провожала гробъ до церкви Николы Морского, а другая, небольшая часть, до самаго кладбища. Идя за гробомъ, я сообщилъ Вашему папа, что мнѣ пришла мысль: отчего бы не предоставить теперь мѣсто начальницы Демидовскаго дома—Амалии Ивановнѣ ¹⁾. По-моему, это опредѣленіе было бы лучшимъ вѣнкомъ, посвященнымъ памяти покойной; и представьте себѣ, что объ этомъ думалъ уже Вашъ папа, и Огареву, который подошелъ къ намъ, приходила та же мысль, которую онъ тоже сообщалъ Вашему папа. По его замѣчанію эта мысль, дѣлаясь гласомъ народа, выражаетъ какъ бы гласъ Божій. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память высокоуважаемой Надежды Дмитріевны, какъ не устройствомъ ея ближайшихъ родныхъ, которымъ она была благодѣтельницей всю жизнь. Вѣчная ей память!...

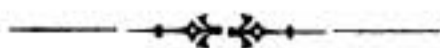
Надѣюсь, что эта мысль найдетъ и въ Васъ сочувствіе, многоуважаемая Марія Васильевна, и конечно много поможетъ ея осуществленію, если Вы вмѣстѣ съ мамой поддержите ее, и укрѣпите въ добромъ намѣреніи Вашего папа.

Искренно преданный Вамъ

М. Балакиревъ“.

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Belle sœur Надежды Дмитріевны, жена ея брата, литератора В. Д. Яковлева.